

А ОСТАВАЛОСЬ ДО ДОМА ВОТ СТОЛЕЧКО...

●●●●●
размышления
после минуты
молчания

●●●●●
Скоро десять лет будет,
как началась эта необъяв-
ленная, непонятная война,

скоро два месяца, как она
кончилась для наших солд-
дат. И вот только сейчас —
первые митинги памяти не-
вернувшихся, первые слова
поминания, сказанные не
шепотом над могилой, а в
микрофон. Первые молебны
об убиенных в наших хра-
мах. Первые минуты скорб-

ного молчания в наших клу-
бах, на наших площадях —
первые после долгих лет по-
стыдного молчания обо
всем, что случилось.

На прошлой неделе в клу-
бе 23 ГПЗ состоялся митинг
памяти погибших в Афгани-
стане наших земляков. С
этого завода их ушло трое.
Три Володи: Шуганников,
Смирнов, Некрасов. Они от-
работали на ГПЗ по непол-
ному году после окончания
училища и ушли служить,
не успев стать для заводчан
своими, родными.

Вести о гибели ребят до-
ходили до завода месяцами.
А имена всех троих стали
известны на ГПЗ только сей-
час, в марте, благодаря ком-
итету ВЛКСМ и заводской
многотиражке. Восстановить
имена ребят было не так и
просто. Даже те, кто долж-
жен был знать это по долж-
ности, разводили руками:
«Такими данными не рас-
полагаем». Не верится в
такое простодушное неведе-
ние, но факт. Факт и то,
что есть люди — и военные,
и штатские — которые ми-
нуты молчания считают ве-
щью почти не приличной.
Годы вранья об афганской
войне с их точки зрения вы-
глядят гораздо приличнее.
Как, впрочем, и все общест-
во наше в наморднике и на
позодке выглядело в гла-
зах «заграницы» гораздо
симпатичнее. Знаю, прой-
дет совсем немного време-
ни и они наверняка скажут:
«Хватит копаться в Афгане!»
Как сейчас они кричат: «Хва-

таться в 30-х годах!». Афганская война — для них
лишь полустанок, на кото-
ром нашему бронепоезду
никак нельзя задерживать-
ся, а еще лучше вообще
проспать и проехать мимо.

Но память теперь уже не
отменишь, не запретишь. И
встают на митинге рабочие
в залапанных следовках и
молчат, склонив головы. Це-
лую минуту. Целую веч-
ность. Наверное, среди них
есть и те, кто три года назад
рассказывал мне в курилке
о том, какой был парень
Володя Смирнов, кто пытал
меня тогда вопросами, на
которые я не знал ответа:
«Почему нашей многотираж-
ке запрещают писать о
Смирнове? О том, что мы
включили его в бригаду, а
зарплату его отправляем в
Фонд мира?..».

Я тоже мучился злыми
вопросами, когда в ориги-
налах своих материалов ви-
дел вырубленные красным
карандашом упоминания о
погибших, о том, что в Аф-
ганистане наши ребята не
только сажают деревья в
парках дружбы...

На дворе весна 89-го. Но
я и сейчас не знаю, кому
задать те вопросы образца
1986 года. Не знаю имен
тех, кому было выгодно
лгать моими устами...

На снимке: на митинге
выступает председатель го-
родского клуба воинов-ин-
тернационалистов Олег За-
вьялов.

[Продолжение читайте
на 2—3-й стр. номера].

Афганская тема!

ОБЕЛИСК-89

В области продолжается сбор средств на обелиск
воинам-интернационалистам. На сегодняшний день соб-
рано более 50 тысяч рублей (сметная стоимость памят-
ника — около 120 тысяч). Товарищ, сделай свой вклад в
Фонд памяти наших погибших ребят! Счет 700527 Во-
логодского управления Жилсоцбанка известен во всех
сберкассах области. При перечислении указывайте —
«В Фонд памяти».

[Начало на 1-й стр.]

...Если будете подъезжать к поселку Вохтога на машине или автобусе, то по левую руку увидите кладбище. На горке, над дорогой — камень неправильной формы. Это памятник Володе Смирнову. Взгляните на снимок — таким мы увидели памятник в начале марта, когда приехали на могилу Володи с секретарем комитета комсомола 23 ГПЗ Николаем Жаравиным и нашим фотокорреспондентом Юрием Черновым.

Правый край гранитной плиты отколот. Изображения ордена Красной Звезды, которым награжден Володя посмертно, на памятнике нет. А надпись под портретом, как видите, гласит, что погиб Смирнов «при исполнении служебных обязанностей». И бог знает, что должен думать человек, ничего не знающий о Володе? Что за «служебные обязанности» погубили мальчишку?

Мать Володи, Эрна Ивановна, живет в деревянном доме на окраине поселка. Дом, как она уверяла нас, хороший, только вот воды четыре года нет. Поселковый Совет все обещает, посылает в РСУ, а там тоже одни обещания. После встречи с Эрной Ивановной мы пришли к секретарю

парткома объединения «Монзалес» В. А. Душутину. Он сказал, что решить этот вопрос можно запросто, надо было только Эрне Ивановне обратиться к нему, а она не обращалась. «Это ее упущение», — посетовал Всеволод Алексеевич и стал звонить в РСУ. А там, как мы поняли, пообещали непременно заняться водой к лету. Находившийся в этом же кабинете заместитель генерального директора по быту А. И. Биров помочь был тоже не в состоянии: «Я уже не зам... меня сокращают. Представьте, как не везет: третий раз за год сокращают...».

На другой день военком Грязовецкого райвоенкомата П. Д. Сучков, сам бывший афганец, попытался по нашей просьбе «доставить» до поселкового Совета. Он спросил не только о воде, но и о том, почему мать погибшего солдата не получает положенных ей продуктов, почему ей не могут поставить телефон (у Эрны Ивановны неважно со здоровьем, а до поликлиники около часа ходьбы). Руководители поселкового Совета, за версту предупредившие, что решения партии они выполнят (смотри снимок), не растерялись. Воду и телефон пообещали, а насчет продуктов ответ дали про-

сто удивительный: «Смирнова за продуктами не приходит, значит, они ей не нужны». Попробуем представить, что это действительно так и Эрна Ивановна за продуктами не пришла. Неужели это не повод для того, чтобы вспомнить о единственной в поселке семье погибшего афганца, привезти ей продукты, зная, что у Эрны Ивановны есть еще одиннадцатилетний младший сын и старая мать?

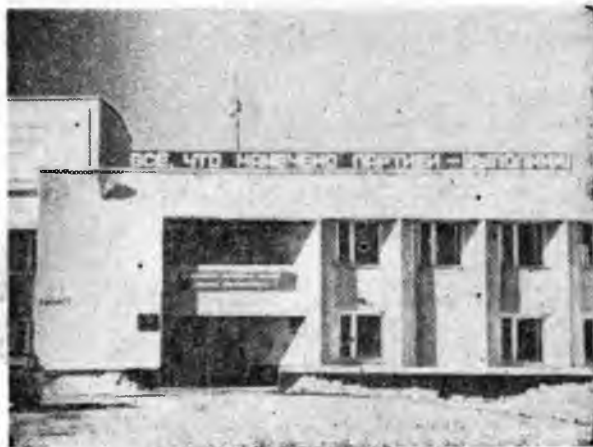
...В Грязовецком военкомате нам показали тоненькое «Дело» на павшего под Джелалабадом гранатометчика Владимира Смирнова. Как скупы подшитые там документы! Что могут узнать из них будущие красные следопыты, если сегодня мы только догадываемся, что стоит за этими справками, извещениями и

указами? «Посмертно награжден... Указом... от 17 мая 1984 года № 197—Х1...», «Постоянное надгробие установлено в июле 1985 года стоимостью 502 рубля».

В том июле надгробие неделю лежало на кладбище. Потом, как рассказывает Эрна Ивановна, два шабашника за бутылку взяли ставить плиту, но при установке откололи тот самый правый угол. Военкомат хлопочет сейчас о новой плите, хочет установить ее к Дню Победы. И надпись на ней, говорят, будет честная: «Погиб при исполнении интернационального долга». Вот такие мы стали смелые..

9 Мая в самом Грязовце будет открыт памятник с

А ОСТАВАЛОСЬ

ДО ДОМА ВОТ СТОЛЕЧКО...

● размышления после минуты молчания ●

был не тот стыд, которого от меня ждали...

Вспоминая напоследок не добрым словом нашу прошлогоднюю публикацию («Спасибо, что они есть» — «ВК» от 5 августа 1988 г.), меня спросили: какое я имел право сожалеть о том, что XIX партконференция не почтила вставанием память погибших в Афганистане советских солдат и офицеров, ведь это компетенция Политбюро и ЦК, а там люди не глупей меня сидят. Раз не встали — значит так нужно. Я сказал, что выразить сожаление — это право каждого человека и в этом нет ничего антипартийного или антисоветского. Как и в том, чтобы встать, даже если все сидят. Один из делегатов конференции рассказывал, как ему хотелось встать и чтобы за ним встали все: «Какой был порыв!»

Мне и сегодня жаль, что порыв нашего вологодского делегата так и остался порывом. Я по-прежнему

считаю, что XIX партконференция должна была отдать дань памяти погибшим. Ведь вставали же делегаты XXVII съезда, скорбя об Улофе Пальме.

По среднему возрасту делегаты XIX партконференции годились в отцы тем солдатам, что еще сражались тогда и умирали на чужой земле, на чужом песке. Должно же быть на свете отцовское чувство, правда?

Мы так наглопались

песку,

что стали часами

песочными —

шуршит песочек

секунд:

до дома осталось

вот столечко...

Дмитрий ШЕВАРОВ.

наш слескорр.

Вохтога—Вологда.

«... В зале были устья човлечы урны для сбора средств на строительство памятника афганцам (счет № 700527). Когда мы их открыли в комитете комсомола, на столе оказался целый ворох рублей, трешек, пятерок. В клубе было собрано 428 рублей 25 копеек. Мы решили продолжить сбор во время обеденного перерыва, потому что представителей администрации на митинге не видели. Всего в тот день было собрано 510 руб. 60 коп.»

(Из газеты «Вологодский подшипник» от 18 марта).

На снимках Ю. Чернова: здание поселкового Совета в Вохтоге; памятник на могиле Владимира Смирнова; на митинге в заводском клубе ГПЗ идет сбор средств на счет № 700527.

именами всех грязовчан, погибших в Великую Отечественную. Говорят, лучше поздно, чем никогда. Но ведь это для нас — поздно, а для большинства матерей солдат той войны это уже — никогда!

После материала «Как я хотел, чтобы Родина вздохнула...» («ВК» от 27 января 1989 г.), где рассказывалось об отношении череповецкого райвоенкомата к семье погибшего воина-интернационалиста Сергея Соколова, официального ответа в

редакцию до сих пор не поступило. Поэтому есть смысл вспомнить ответ, данный редакции в устной форме. 17 февраля руководитель военкомата пригласили меня на беседу. Они доброжелательно объяснили мне, что все последние материалы «ВК» на «афганскую» тему не отвечают потребностям «текущего момента». Последний материал был обсужден во всех военкоматах и единодушно признан необъективным («черная клевета», «камень, брошенный в со-

ветских солдат-интернационалистов»). По поводу той ограды, что четыре года обещали установить на могиле Соколова работники череповецкого военкомата, мне объяснили: главная вина здесь за людьми штатскими. Согласно постановлениям (среди которых есть и с грифом «совершенно секретно») надгробия должны устанавливать военкоматы, а ограду вокруг них — местные исполкомы. Вот такое разделение труда. Областной военный комиссар Андрей

Федорович Горovenko сообщил мне также, что я «связан» давним знакомством с отцом погибшего солдата Николаем Васильевичем Соколовым, а потому и написал в его защиту. Напрасно пытался я доказать, что это не так, что познакомился я с Соколовым только после письма в редакцию. Мне была отведена роль злоумышленника, пойманного на месте преступления. Я должен был, видимо, покраснеть и во всем сознаться. И я, кажется, краснел. Но это